ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Алфимова Дарья Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),
Санкт-Петербург, Россия
st042496@student.spbu.ru

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРАХ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. ГЯДЫ И К. И. ЧУКОВСКОГО)

Ключевые слова: языковая игра, окказионализмы, детская поэзия, Гяда, Чуковский.

В статье рассматриваются приемы языковой игры в литовской и русской детской литературе (на примерах поэтических текстов С. Гяды и К. И. Чуковского). Выявляются сходства и различия языковых экспериментов в детской поэзии на литовском и русском языках, в частности на уровне словообразования. Отдельно рассматриваются окказионализмы, не соответствующие пониманию языковой нормы. И то и другое стимулирует «языковое взросление ребенка», способствует становлению языковой личности.

Alfimova Daria

Saint Petersburg State University (SPbSU),
St. Petersburg, Russia

LANGUAGE PLAY IN CHILDREN LITERATURE (BASED ON S. GEDA'S AND K. CHUKOVSKY'S POEMS)

Keywords: language game, nonce words, children poetry, Sigitas Geda, Korney Chukovsky.

The article examines methods of language game in Lithuanian and Russian children literature, focusing on poems of S. Geda and K. Chukovsky. It shows similarities and differences of language experiments in both languages; namely, the word formation processes and the nonce words phenomenon. Both improve the child's understanding of language and contribute to the development of his linguistic personality.

О понятии «языковая игра»

Языковая игра (ЯИ) — это намеренно допущенное отступление от языковой нормы, рассчитанное на вовлечение читателя (слушателя) в **сотворчество**. По мнению московского лингвиста В. З. Санникова, «языковая игра, может быть бессознательно, преследует не только сиюминутные интересы (заинтриговать, заставить слушать), но она призвана выполнять и другую цель — развивать мышление

и язык. Язык закрепляет достижения мышления. Языковая игра — замечательный учитель словесности» [Санников, 1999, с. 23].

Хотя ЯИ может затрагивать любые уровни языка, в данной работе на примерах из детской поэзии будут рассмотрены эксперименты **семантические**, а именно, употребление слов в непривычном смысле или форме, а также **словотворчество**, сопряженное со специфической организацией высказывания.

Языковая игра в рамках детской литературы

В значительной степени способность ребенка к сотворчеству пробуждают **необычные семантические связи в** стихах, создающие образ перевернутого мира. К примеру, у литовского современного поэта С. Гяды (1943–2008, Geda) читаем: *O jūrų žuvelės / Susėdo ant dugno / Ir giesmeles gieda, / Susikūrę ugnį* ‘*А морские рыбки / уселись на дне / и песенки поют, / разведя огонек*’ (BV: «Gyvulėlių skraidymas» ‘Полет животных’). Тот же прием наблюдается в детской поэзии К. И. Чуковского: *А лисички / Взяли спички, / К морю синему пошли, / Море синее зажгли* (БКС: «Путаница»). Здесь имеет место уже не метафора, а полный абсурд: две противоположности — огонь и вода — совмещены в одном контексте, в одной картине.

ЯИ нередко строится на **смысловых несоответствиях**: *Skrenda žiogelis, / Iš linksmumo žalias* ‘*Летит кузнечик, / От радости зеленый*’ (BV: «Gyvulėlių skraidymas»). Сравним с отрывком из стихотворения К. И. Чуковского: ‘*Рады, рады, рады / Светлые березы, / И на них от радости / Вырастают розы* (БКС: «Радость»). В обоих случаях алогичность создается за счет несоответствия мотивировки действия (как будто результатом радости является зеленый цвет или замена сережек розами). Такие несоответствия реальности рассчитаны на протест в сознании маленького читателя, который непременно определит, что в стихах представлены нереальные, фантастические ситуации.

Окказиональное словообразование как разновидность языковой игры

«Индивидуальное ненормативное словообразование во всех сферах языковой деятельности (в диалектной, разговорной, детской речи, в художественных текстах) демонстрирует, что слово является не статической, а динамической языковой единицей» [Зубова, 1999, с. 50–51]. При окказиональном словообразовании автор применяет

известные деривационные модели **для обозначения понятий, отсутствующих в лексике данного языка**.

Пример 1

У К. И. Чуковского мы видим это в именах собственных: *Айболит*, *Мойдодыр*. Эти имена образованы словосложением. Следует отметить, что в текстах литовского автора отсутствуют подобные композиты.

Также для создания имен собственных Чуковский объединяет звукоподражательные частицы и именной суффикс *-к*: например, *Бебека*, *Мемека* (БКС: «Бебека»), в чем наблюдается традиция *мекать*, *бекать*, *мычать*.

Пример 2

Подобное квазисловообразование наблюдается и у Гяды: *Lapė — lapina, / Zuikis — zuikina. / Erelis — erelina, / O tu — mane tujini, / O aš? / Aš — viską ašinu! 'Лиса — лисит, / Заяц — зайчит, / Орёл — орлит, / А ты — на меня тыкаешь. / А я? / А я — все ячу или якаю!'* (MD: «Kas ką veikia» 'Кто что делает'). В приведенном отрывке автор основывается на окказиональном присоединении глагольных суффиксов к именам существительным и местоимениям. *Lapina*, *zuikina* (корни соотв. *lap- / zuik-*, суффикс *-in-*, глагольное окончание наст. вр. 3 л. *-a*) являются редкими отыменными глаголами со значением подражания поведению животного. Они могут использоваться в разговорном литовском языке. *Erelina* (корень *erel-*) — окказиональное слово, образованное по аналогии с предыдущими глаголами, но не употребляемое в речи и не указанное в словаре литовского языка (LKŽ 2008). *Tujini*, *ašinu* образованы от местоимений *tu*, *aš*. Первое имеет значение «обращаться на ты» (русск. *тыкать*), второе, являющееся неологизмом, настораживает носителя: означает ли это «говорить я самому себе»? Это значит, что читатель сам должен придумать, что обозначают выражения типа «*орел орлит*» или «*ašinu*», так как в литовском языке таких глаголов нет.

Так, создавая ту или иную лексему, авторы чаще используют существующие в языке морфемы, но организует их особенным образом, вследствие чего появляются интересные новообразования, «поэтические формы, созданные по аналогии с формами, встреченными поэтом в известных ему литературных образцах» [Курилович, 1962, с. 426], нетрудные для понимания и гармонично вписывающиеся в поэтический текст.

Окказиональное словоупотребление

Достижение автором **парадоксального значения** при привычном словопроизводстве подразумевает языковую игру на уровне семантики. Такое явление называется окказиональным словоупотреблением.

Пример 1

Pusė paršo — bus paršiukas? / Pusė varnos — bus varnėnas, / Pusė proto — pusprotis? / <…> Pusė lapo — puslapis, / Pusė lapės — puslapis… / ‘Половина свиньи — будет поросёнок? / Половина вороны — будет скворец, / Половина ума — полоумный? <…> / Половина листа — страница, / Половина лисицы — страница?’ (VK: «Dalijimo mįslės» ‘Загадки деления’).

Ключевое слово здесь *pusė* ‘половина, сторона’, на его основе в литовском языке образовано множество сложных имен, обозначающих половину чего-то, и даже термины родства: *pusbrolis*, *pusseserė* ‘двоюродной брат, сестра’. Опираясь на это, Гяда играет словообразованием, получая невозможные значения. Так, выходит, что полоумным будет называться тот, у кого «половина ума», а поросенок — это «полсвиньи». В случае с *pusė varnas — varnėnas* автор «роднит» двух разных птиц (во́рона и скворца): сходство корней можно объяснить явлением народной этимологии, а суффикс *-ėnas-* обозначает родство (напр. *brolis — bronėnas* ‘*брат — сын брата, племянник*’).

Интересны строки *pusė lapo — puslapis*, / *pusė lapės — puslapis*: здесь квазисловообразование основано по способу контаминации и содержит омонимичные корни: *lap-as* ‘*лист*’ — *lap-ė* ‘*лиса*’.

Пример 2

Ten, kur laukas — Laukuva, / Ten, kur šilas — Šiluva, / Ten, kur dainos — Dainava, / Ten, kur lietūs — Lietuva. / Ten, kur žmonės kaunas, / Aišku, stovi Kaunas… ‘Там, где поле — Лаукува, там, где бор — Шилува, там, где песни — Дайнава, там, где дожди — Литва. Там, где люди сражаются, понятно, стоит Каунас…’ (MD: «Kas kur yra?» ‘Кто где?’).

В этом стихотворении, как и в предыдущем, языковая игра строится на окказиональном употреблении без нарушения словообразовательной структуры слов: пары *laukas — Laukuva*, *šilas — Šiluva*, *dainos — Dainava*, *lietūs — Lietuva* являются попыткой объяснения названий городов и страны через связь со словами, частично совпадающими по морфемной структуре и звучанию. Из вторых элемен-

тов можно выделить квазикорни *-lauk-*, *-šil-*, *-dain-*, *-liet-*, которые и будут указывать на псевдоэтимологические значения слов.

Следовательно, окказионализмы всегда «оживляют» художественный текст, а в поэзии наиболее полно отражают идею автора, создают в сознании читателя неожиданный образ, максимально приближенный к ассоциациям, задуманным автором. Как уже было упомянуто, многие слова имеют правильную форму и провокационно неправильный смысл, что должно рассмешить или возмутить ребенка, в любом случае — привлечь его внимание к **слову**. Понимание несоответствия поэтического словоупотребления и нормы родного языка способствует достижению определенного этапа «языкового взросления» ребенка, становлению языковой личности.

Вывод

Языковая игра в детской литературе на русском и литовском языках осуществляется посредством схожих словотворческих приемов, однако не идентичных, так как они опираются на структурные особенности различных, с точки зрения грамматики, языков. Опираясь на разобранные примеры, можно выделить две наиболее значимые цели ЯИ в стихотворном тексте:

- продемонстрировать возможность значимой части слова выступать в нескольких значениях, преобразовывать целые высказывания;
- побудить читателя замечать слово, размышлять над очевидными и скрытыми смыслами, а также самому создавать их.

СЛОВАРИ И ИСТОЧНИКИ

БКС — Чуковский К. И. Большая книга стихов и сказок. М.: Махаон, 2010. 144 с.

BV — Geda S. Baltoji varnelė: Eilėraščiai. Vilnius: Alma littera, 2015. 168 p.

MD — Geda S. Močiutės dainos: Eilėraščiai // tekstai.lt. http://www.tekstai.lt/buvo/tekstai/geda/mociutes.htm#veikia.

VK — Geda S. Valkataujantis katinas: Eilėraščiai vaikams // tekstai.lt. http://www.tekstai.lt/buvo/tekstai/geda/valkatau.htm#dalijimo.

LKŽ 2008 — Lietuvių kalbos žodynas (t. I–XX, 1941–2002): elektroninis variantas / vyr. redaktorė Gertrūda Naktinienė. Vilnius, 2008. www.lkz.lt.

ЛИТЕРАТУРА

Зубова Л. В. Язык поэзии Марины Цветаевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 232 с.

Курилович Е. Поэтический язык с лингвистической точки зрения // Очерки по лингвистике / Ред. В. А. Звегинцев. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1962. С. 419–425.

Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999. 544 с.